Лидия Чуковская

декабрист НИКОЛАЙ БЕСТУЖЕВ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ БУРЯТИИ

ГЕОГРАФГИЗ
1950

Лидия Чуковская

декабрист НИКОЛАЙ БЕСТУЖЕВ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ БУРЯТИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — 1950

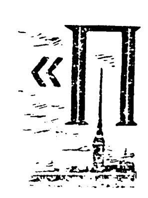
Николай Александрович
Бестужев

Автопортрет

ПЕРЕДОВАЯ ФАЛАНГА

„Я еще помню блестящий ряд молодых героев, неустрашимо, самонадеянно шедших вперед... В их числе шли поэты и воины, таланты во всех родах, люди, увенчанные лаврами и всевозможными венками... И вся эта передовая фаланга, несшаяся вперед, одним декабрьским днем сорвалась в пропасть и за глухим раскатом исчезла...“.

А. Герцен. „Письма к будущему другу“.

«Повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей, ужасна». Так писал Пушкин князю Вяземскому 14 августа 1826 года. Друзьями, братьями, товарищами Пушкин называл декабристов. Пятеро из них 13 июля 1826 года были повешены в Петербурге на кронверке Петропавловской крепости; остальные приговорены к каторжным работам в рудниках, к ссылке на поселение, к разжалованию в солдаты. После того как с плеч осужденных были сорваны эполеты и над головами у них переломлены шпаги, участники событий 14 и 29 декабря, променявшие княжеские титулы и высокие чины на титул «государ-

ственных преступников», были размещены по крепостям империи впредь до отправки в Сибирь.

Эти люди, названные Пушкиным братьями, воспетые и оплаканные им, были, по определению Ленина, «...лучшими людьми из дворян»[1]; «самыми выдающимися деятелями»[2] первого этапа освободительного движения в России. Упоминая о декабристах в своих речах и статьях, Ленин указывал, что они «страшно далеки»[3] от народа, что движение их не может считаться демократическим, но постоянно именовал участников декабрьских событий революционерами: они «помогли разбудить народ»[4], они первые открыто выступили против царя и крепостного права, первые выдвинули лозунг замены самодержавия республикой.

Поражение, понесенное дворянскими революционерами 14 декабря 1825 года в Петербурге, на Сенатской площади, а затем под Васильковом, на Украине, где 29 декабря восстал и потерпел неудачу Черниговский полк, надолго отдало страну во власть феодально-монархической реакции. Солдаты, участники восстания, были обречены на мучительную смерть: их по двенадцати раз прогоняли сквозь строй; крестьянские волнения, возникшие, как отголосок событий, совершившихся в Петербурге и на Украине, были подавлены с помощью военных команд, и крестьянам было строжайше запрещено даже жаловаться, подавать просьбы. Немота, молчание предписаны были высочайше. Чуть ли не в каждом студенте правительство видело крамольника, в каждом литераторе — подстрекателя к бунту. Образованное общество было охвачено смятением.

«Первые годы, следовавшие за 1825, — писал Герцен, — были ужасающие. Только лет через 10 общество могло очнуться в атмосфере порабощения и преследований... Высшее же общество с подлым и низким рвением поспешило отречься от всех гуманных чувств, от всех цивилизованных мыслей. Не было почти ни одной аристократической семьи, не насчитывавшей близких родственников в числе сосланных, и почти ни одна из них

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XVI, стр. 575.
[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. XVII, стр. 341—342.
[3] В. И. Ленин. Сочинения, т. XV, стр. 468.
[4] В. И. Ленин. Сочинения, т. XXVI, стр. 575.

не осмелилась носить траур или высказывать сожаление».

Летом 1826 года началась отправка осужденных в Сибирь. Их везли закованными в кандалы, на фельдъегерских тройках, с жандармами. Случалось, ямщик, подгоняемый саблей жандарма, не в силах был удержать лошадей, лошади несли, возок опрокидывался — и закованные пленники только чудом спасались от тяжелых увечий... «Ехавши в каторжную работу, кажется незачем так торопиться!» — говаривал, вспоминая об одном из подобных приключений, не утративший юмора Пущин.

...Казнь совершилась: «лучшие люди из дворян» были повешены в Петербурге или замурованы заживо в крепостях или сосланы в глухие урочища Сибири. Память об их ужасной судьбе томила Пушкина, диктовала ему горькие строки. Судьба эта была тем более ужасна, что люди, с которыми в 1825 году расправился Николай, были, в точном значении слова, умственным цветом нации: их вдохновение и труд обещали русской культуре богатые плоды впереди.

В двадцатых годах XIX столетия на собраниях литературных и научных обществ, в редакциях альманахов и журналов, в аудиториях Московского университета деятельно, бодро и молодо звучали голоса будущих декабристов — поэтов, критиков, историков, физиков, изобретателей, техников, инженеров, преобразователей флота, открывателей новых земель. «Революционное гнездо... является одновременно и средоточием зреющего революционного выступления и крупным русским литературным центром, — пишет советская исследовательница проф. Нечкина об одной из групп Северного общества декабристов. — В нем живут и действуют пять известных писателей эпохи — Рылеев, А. Бестужев-Марлинский, Кюхельбекер, А. Одоевский, добавим Грибоедова; в нем находятся причастные к литературе Николай и Михаил Бестужевы... Завсегдатай этого дружеского круга А. О. Корнилович, один из значительных писателей-декабристов, историк, выдающийся по дарованиям и образованности человек. Если не забывать, что именно с этой группой... состоит в самой оживленной переписке А. С. Пушкин..., то значение литературного центра особо оттеняется». К словам проф. Нечкиной,

перечислившей литераторов-декабристов, следует прибавить, что Николай Бестужев был не только писателем, но и ученым-изобретателем, физиком, историком русского флота; что, кроме Корниловича, автором интересных работ по русской истории был Никита Муравьев; что среди декабристов были такие видные практики-строители, как Батеньков, участники дальних экспедиций, как Торсон и Чижов, знатоки Сибири, как Завалишин, Батеньков и Штейнгель. После разгрома восстания умственная температура образованного русского общества заметно понизилась: победители изъяли из культурной жизни столиц передовой отряд литераторов и ученых.

Общественный идеал декабристов не был единым, как не была вполне единой та социальная среда, которая их воспитала. Все они были дворяне, в большинстве своем офицеры, доблестные участники недавно отшумевшей войны. Но одни принадлежали к крупнопоместной знати, другие — к среднему дворянству; были среди деятелей тайного общества и дворяне обедневшие, безземельные. Проекты основных законов для будущей свободной России, созданные идеологами тайного общества, были различны: от цензовой конституционной монархии до демократической республики или прочного федеративного союза всех славянских народов. Одни настаивали на том, что крестьянам надо предоставить не только свободу от крепостной зависимости, но и землю, другие не полагали возможным освободить крестьян с землей. И вопросы о способах захвата власти тоже решались по-разному: одни замышляли быстрый военный переворот, вроде дворцового, другие пытались вести глубокую, рассчитанную на многие годы, пропаганду среди солдат и крестьян... Одни ратовали за истребление всей царской фамилии, другим представлялось достаточным арестовать императора и принудить его подписать конституцию.

Однако при всем разнообразии идеологических течений внутри тайного общества были в декабризме черты, роднившие между собою всех его представителей: сторонников конституционной монархии и сторонников республики, блестящих флигель-адъютантов и бедных армейских прапорщиков... Эти черты: ненависть к крепостническому рабству, к аракчеевщине, к бессмысленной муштровке солдат, преклонение перед мужеством народа,

только что, во время Отечественной войны и заграничных походов, явившего чудеса героизма, страстные мысли о будущих судьбах России, стремление на любом поприще — в мореплавании или в военном деле, в литературе или в юриспруденции, в прокладывании дорог или в изучении архивов — служить интересам родины.

К началу XIX века старый феодально-крепостной строй уже пришел в ветхость. В недрах его уже развивался новый уклад, — в то время прогрессивный — капиталистический, вступая в резкое противоречие с феодально-крепостническими отношениями. По определению Ленина это была эпоха «буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений»[1]. В начале XIX века неизбежность крушения старого строя в России уже определилась вполне. Войны с Наполеоном сделали явственной мощь великого народа и то, в какой степени мощь его скована рабством. Вот что пробуждало сознание и энергию передовых людей. «Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то русский народ... ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости...» — писал Александр Бестужев.— «Для того ли... мы купили кровью первенство между народами, чтобы нас унижали дома?» «В беседах наших,— припоминает декабрист Якушкин,— обыкновенно разговор был о положении России. Тут разбирались главные язвы нашего отечества: ... крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет почти была каторга, повсеместное лихоимство, грабительство и, наконец, неуважение к человеку вообще».

Декабристы годами готовились к вооруженному восстанию. Захватив власть, они намерены были освободить крестьян, преобразовать армию, открыть широкую дорогу просвещению, торговле, промышленности, истребить неправосудие и взяточничество. Этой программе обновления страны вполне соответствовала их литературная и научная деятельность — до 14 декабря и после, в Москве, в Петербурге, на Украине, в Сибири.

Декабристы-поэты воспевали гражданское мужество, клеймили насилие тиранов; декабристы-критики отстаи-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XVIII, стр. 108.

вали самобытную национальную литературу в противовес «нечистому духу» «пустого, рабского, слепого подражания»; декабристы-историки открывали новые документы по русской истории и явились первыми критиками монархического принципа, лежащего в основе «Истории государства Российского», написанной Карамзиным; декабристы-ученые пытались поставить науку на службу новым экономическим потребностям страны.

В апрельской книжке «Сына Отечества» за 1823 год помещена статья о «Новой Земле», подписанная малоизвестным именем Н. Чижова. Это — топограф, литератор, моряк, лейтенант флота, несший морскую службу в Архангельске, будущий декабрист, совершивший в 1821 году плавание на Новую Землю с экспедицией знаменитого Литке. Подробный отчет об экспедиции был опубликован лишь в 1828 году; таким образом, статья Чижова — это первое или одно из первых известий о трудах русской арктической экспедиции, которая в тяжелейших ледовых условиях произвела описание западного побережья Новой Земли, точно определила положение Маточкиного Шара, установила координаты Канина Носа, открыла новые острова и исправила множество ошибок на географических картах. Лейтенант Чижов живописным и точным слогом, обличающим в нем даровитого литератора, повествует о естественных богатствах Новой Земли, о каменном угле и серебре, об оленях, о белых и голубых песцах, о китобойном и моржовом промыслах.

«Новая Земля известна была русским с давнего времени, — пишет Чижов, — и еще древние новгородцы ходили на нее за промыслами. Распространяясь по всей Югорской земле и перейдя Уральские горы, они не оставили посетить и сии пустынные страны...». Пишет он и о больших возможностях для китобойного промысла. «Непонятно! — укоризненно восклицает он. — Почему русское купечество не обращает на сие никакого внимания и пренебрегает эту ветвь торговли».

Статья моряка Чижова, ставящая себе целью привлечь внимание общества к подвигам русских мореплавателей и к богатствам Арктики, заканчивается в книжке журнала на той самой странице, где начинается статья Александра Бестужева, ставящая себе целью привлечь внимание общества к богатствам русской лите-

ратуры. Говоря об альманахе «Полярная Звезда», Бестужев пишет, что издатели (он и Рылеев) желали «ознакомить публику с русскою стариною, с родною словесностью, с родными писателями». Так, неприметным, но внутреннеединым фронтом выступали на страницах тогдашних журналов передовые деятели молодой России, разведчики ее богатств в ледяных просторах, пропагандисты самобытности и достоинства ее литературы.

Заслуженный боевой моряк Торсон, не раз, по выражению тогдашних рескриптов, «оказывавший неустрашимость в морских боях», был деятельным участником прославленной экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева, снаряженной в 1819 году в Южный океан.

Подвиги, совершенные экипажами шлюпов «Восток» и «Мирный», никогда не утратят огромного научного значения. Отправившись в неизвестные воды, навстречу туманам и льдам, на парусных хрупких судах, русские моряки первыми проникли в Южнополярный океан, открыли новые, неведомые острова и целые архипелаги, основательно изучили свойства и строение плавающих и неподвижных льдов, собрали обильный этнографический материал. После открытий русской экспедиции сквозь туманы океана стали постепенно проступать очертания нового, до той поры неведомого материка — Антарктиды.

Торсон проделал всю экспедицию на шлюпе «Восток». Таким образом, в крупной научной победе, одержанной экспедицией, есть доля заслуг и Константина Петровича Торсона. Но главные его интересы лежали в технике. Человек упорной и настойчивой энергии, он был одержим идеей усовершенствования русского флота. Он добился разрешения переоборудовать по последнему слову морской техники корабль «Эмгетейн», с тем чтобы заново оснащенное и вооруженное судно стало образцом для перевооружения других судов. Настойчивость Торсона, его выдающиеся познания и главное — его неподкупность раздражали чиновников из морского ведомства. Торсон сам не крал и другим не давал: и мало того — при оснащении «Эмгетейна» он сэкономил казне около миллиона рублей. Помешать Торсону переоборудовать корабль никому не удалось, зато чиновникам из адмиралтейства удалось свести результат его труда к нулю. Когда «Эмгетейн» готов был отправиться в пробное пла-

вание, Торсона отстранили от командования, а созданный им образцовый военный корабль был отдан великому князю Николаю для увеселительной семейной прогулки... «Тормоз на каждом колесе России»,— недаром Герцен дал это наименование царскому самодержавию.

Утешение после неудачи с «Эмгетейном» Торсон нашел в хлопотах об экспедиции на северный полюс. Сподвижник Беллинсгаузена и Лазарева, открыватель новых земель на Южном океане, он давно мечтал об экспедиции на север.

Казалось, эта мечта должна была вот-вот осуществиться. Царь утвердил инструкцию экспедиции, на верфях уже строились фрегат и бриг... «Помню я эти блаженные минуты, — пишет в своих мемуарах друг и помощник Торсона, моряк и будущий декабрист Михаил Бестужев, — когда в осенние ночи, при тусклом свете сальной свечи, мы проводили с Торсоном пути по земному шару, открывали с ним неведомые страны и острова и крестили их русскими именами».

Но прокладывать пути в Арктике отважным морякам не пришлось. «Тормоз» и тут оказал свое действие. Им предстояла другая дорога — в кандалах, на каторгу...

...Одной из самых ярких фигур среди декабристов был моряк Николай Бестужев. Когда члены тайного общества обсуждали грядущее уничтожение крепостного права — Николай Бестужев решительно требовал, чтобы земля была отдана крестьянам. По своим политическим взглядам и дружеским связям он принадлежал к «левому флангу» Северного общества — флангу, во главе которого стоял Рылеев, флангу, который подготовил и вынес на своих плечах декабрьское восстание в Петербурге. Изумительна творческая разносторонность Николая Бестужева: писатель, актер, художник, техник-изобретатель, мыслитель-экономист, историк, физик. Талантливость, отличавшая всех представителей дружной семьи Бестужевых, ярче всего, пожалуй, проявилась в старшем из братьев-декабристов — Николае. Дарования сочетались в нем с необыкновенной энергией. В 1809 году он окончил морской корпус и сразу был назначен туда воспитателем. Ему поручили преподавать морскую эволюцию, морскую практику и высшую теорию морского искусства. В программе корпуса не было физики — Николай Бестужев не мог примириться с таким упу-

щением и начал обучать физике кадетов бесплатно сверх программы и сам, на собственные средства и своими руками, оборудовал в корпусе физический кабинет. В 1813 году его перевели на строевую службу в Кронштадт; тут он изобрел кожаную лодку на полозьях для передвижения по льду и через полыньи. Когда же Николай Бестужев получил должность помощника директора всех маяков в Финском заливе, он принялся усовершенствовать маячные лампы, рефлекторы, машины для вертящихся огней.

В 1818 году в двух книжках «Сына Отечества» была напечатана статья Николая Бестужева: «Об электричестве в отношении к некоторым воздушным явлениям». Молодой ученый создал стройную теорию участия электрических сил и зарядов в явлениях туманов, туч, дождя. Несостоятельная перед лицом науки нашего века, попытка Бестужева для своего времени была интересной и новой. Через 21 год в письме к брату, в связи с известием о постройке железной дороги между Царским Селом и Павловском, государственный преступник, отбывающий каторгу, Николай Бестужев так вспоминал в письме из Сибири о юношеской своей попытке: «Говоря о ходе просвещения, нельзя также не упомянуть тебе с некоторою гордостью, что... мы, русские, в многих случаях опереживали других европейцев: чугунные дороги не новы, они существуют на многих железных заводах для перевозки руды бог знает с которой поры. Толкуют о новости артезианских колодцев: они у нас существуют с незапамятных времен; Англия, Франция и Америка захлопотали недавно о подводных судах; у нас при Петре уже деланы были опыты. В Америке только Франклин открыл аналогию грома с электричеством — у нас Рихман убит при опытах с электрическим змеем, который он спускал с Ломоносовым. Мы теперь читаем по временам различные теории ученых, выведенные из метеорологических опытов, о северном сиянии, о граде, грозе, дожде и проч. — а я, бедный человек, еще в 1818 году в «Сыне Отечества» ...поместил статью о электричестве в отношении к воздушным явлениям, где моя теория, изложенная перечневым образом и с робостью первого опыта, удивительно как отвечает нынешним требованиям».

Сколько гордости в этих словах — гордости за рус-

скую науку и сколько в них горечи: горька была судьба ее деятелей...

Как и все декабристы-литераторы и декабристы-ученые — как Рылеев, В. Раевский, Корнилович, Никита Муравьев, Батеньков, Штейнгель,— Николай Бестужев интересовался историей России. Но он был прежде всего моряком (к 1825 году он совершил уже три дальних заграничных плавания), и потому история родного флота всегда была для него на первом плане. 28 июля 1822 года в ученом собрании Государственного адмиралтейского департамента Николай Бестужев огласил начало своего «Опыта истории российского флота». Это было обширное научное исследование, основанное на сведениях, извлеченных из древних русских летописей, из голландских, французских, немецких и английских источников. История русского флота доведена была исследователем до 1714 года. Автор дает подробные описания различных типов тех судов, на которых плавали русские в древнейшие времена. Попутно он характеризует водные пути страны, излагает историю развития торговых отношений Руси с зарубежными странами.

Но от истории необходимо было возвратиться к действительности. Научные изыскания молодых русских ученых прерваны были подготовкой к восстанию. Междуцарствие, неожиданно наступившее после смерти Александра I, побудило тайное общество совершить попытку переворота. Молодые люди снова сменили перья на шпаги. Та же вера в величие судеб России, которая диктовала им их поэмы, дальние путешествия, подвиги на полях сражения, труды по истории, та же ненависть к тормозу развития страны — самодержавию — снова вела их в бой. «Случай удобен. Если мы ничего не предпримем, то заслужим во всей силе имя подлецов»,— писал Пущин Фонвизину, когда началось междуцарствие. Декабристы в благодарной памяти потомков заслужили имя героев, вышедших на верную гибель, почти не надеясь победить. «Страшно далеки они от народа»,— писал В. И. Ленин; этой далью они и были обречены на поражение.

Пальба на Сенатской площади и вдоль Галерной длилась около часу. Осколки стекол сыпались из окон Сената, снег мелкими вихрями крутился над площадью. В промежутках между выстрелами можно было слы-

шать, как кровь струилась по мостовой, растопляя снег. Среди мертвых ползали раненые. Они пробирались к воротам, но визг картечи и смерть настигали их всюду. Тщетно Михаил Бестужев на льду Невы, а Николай и Александр — на Галерной пытались собрать и построить бегущих, чтобы упорядочить отступление. Император победил. Первым приказом молодого царя было арестовать заговорщиков и убрать трупы, отмыть со стен кровь, посыпать лед песком. Во дворец, окруженный кольцом пушек и пылающих костров, а оттуда в Петропавловскую крепость всю ночь приводили главарей восстания — обезоруженных, со связанными веревкой руками. Во льду на Неве были проделаны проруби: туда спускали мертвых, а иногда и живых. Николай Бестужев, переодетый простым матросом, попытался скрыться; он миновал уже Толбухин маяк, но был схвачен неподалеку от Кронштадта. Александр и Михаил Бестужевы сами явились во дворец. Рылеев, Никита Муравьев, Корнилович, Торсон, Пущин и многие, многие десятки других стали узниками — сразу или через несколько дней. Начиналась трагедия следствия и комедия суда. Казалось, все счеты с жизнью были кончены.

Но в действительности большинству предстояла еще долгая и славная жизнь. Постепенно — для одних через 8, 10, для других через 12 и через 15 лет — двери каторжных тюрем отпирались и декабристы «обращаемы были на поселение». Тут, на берегах широких сибирских рек, происходила встреча вчерашних узников лицом к лицу, без палисадов, замков, решеток и охраны с народами Сибири, с ее тайгой, с ее степью. Вся многолетняя научная подготовка, совершавшаяся на воле и в тюрьме, оказывалась теперь мобилизованной для изучения новой, открывающейся перед глазами страны. И чем глубже удавалось поселенцам вдуматься в нужды того края, куда занесла их судьба, чем крепче полюбить его, зажить его интересами, тем ощутимее и плодотворнее оказались результаты их научной и общественной деятельности.

Николай I отличался врожденным, солдафонским, скалозубовским неуважением к таланту. Мало сказать неуважением: это была какая-то органическая, глубокая ненависть, вызываемая, быть может, смутной догадкой о том, что талант — это тоже власть, что талант нелегко укротить, даже располагая целым корпусом жандармов,

что талант светит, хоть загони его под землю; что в выдающихся деятелях русской культуры таится сила, не подчиненная ему, непокорная, существующая вопреки его воле.

Рассадив декабристов по казематам крепостей, разослав их по рудникам, каторжным тюрьмам, кавказским полкам, он нанес жестокий удар развитию русской культуры.

С возмущением писал о его постыдной роли Лев Толстой: «Когда какой-нибудь смельчак решался докладывать, прося смягчения участи сосланных декабристов или поляков, страдающих из-за той любви к отечеству, которая им же восхвалялась, — он, выпячивая грудь, останавливал на чем попало свои оловянные глаза и говорил: «...Рано!», как будто он знал, когда будет не рано и когда будет время». Однако вредительский замысел Николая можно считать удавшимся только наполовину: дарования декабристов не погибли в Сибири. Служить родной стране им удалось и там. Декабристы явились исследователями быта, нравов, языка, преданий, религии, песен населяющих Сибирь народов; они изучали ее климат, ее природу, ее растительный и животный мир; они вводили усовершенствования на ее заводах и на ее полях; они стали учителями, лекарями, просветителями ее населения. Сначала им было запрещено иметь чернила, бумагу и перья; потом разрешено писать, но запрещено печататься; многое, написанное ими в Сибири, истреблено ими в ожидании обыска, затеряно почтовыми чиновниками, уничтожено рукою жандарма, — и все же научная работа декабристов не погибла; одинокие ручейки мало-помалу одолевали препятствия и неслышно вливались в могучую реку великой русской культуры.

Внес свой вклад в изучение Забайкалья и Николай Александрович Бестужев — первый этнограф Бурятии.

КРАСНОЕ СОЛНЦЕ

„Настоящее житейское поприще наше началось со вступлением нашим в Сибирь, где мы призваны, словом и примером, служить делу, которому мы себя посвятили".

Декабрист Михаил Лунин

В Забайкалье, в Бурят-Монголии, в пятнадцати километрах к северо-западу от Ново-Селенгинска, среди отрогов Хамар-дабана, в замкнутой горной долине, лежит продолговатое озеро. В далекие времена, когда по берегам озера кочевали со своими юртами и стадами роды селенгинских бурят, среди стариков из уст в уста передавалось предание о чуде, совершившемся некогда в этой долине. Старики рассказывали, будто там, где теперь сверкают и колышутся воды озера, когда-то, давно-давно, росла высокая трава да валялись камни, и нигде не было ни речки, ни озерка, ни ключа. Посредине долины стояла кумирня, в ней находились ламаистские боги — бурханы, а вокруг кумирни поселились ламы и вырыли неподалеку глубокий колодец. Одним утром в

горах послышался подземный грохот, из колодца хлынула вода и чуть не затопила идолов. Ламы перенесли кумирню на другое, более высокое место, но вода добралась и туда; кумирню, преследуемую водой, пришлось перенести еще выше.

Эта древняя легенда — отражение подлинной истории озера. Из-за вулканических колебаний почвы уровень воды в озере в течение веков действительно несколько раз изменялся — когда-то оно было таким мелководным, что буряты прозвали его «нога-озеро», т. е. мелкое, проходимое вброд. Неподалеку от озера действительно позвякивали колокольчиками, веяли на ветру пестрыми полотнищами стены древнего монастыря ламаитов. В начале XVIII века приток реки Темника, Цаган-гол, прорвался в долину и затопил ее. К началу XIX-го посередине затопленной долины горбился один единственный островок — Осередец. Там гнездились утки, цапли, чайки, журавли, дикие гуси. Гусей водилось такое великое множество, что охотники, подъезжая к острову, били их палками или веслами, а на берегах собирали целые пуды гусиных перьев, годных для письма. С тех пор озеро и стало называться Гусиным.

В наше время на его берегах добывают уже не гусиные перья, а уголь. Мимо его прозрачных вод с грохотом несутся поезда. На станции Гусиное Озеро товарные составы стоят подолгу: рабочие нагружают платформы углем. За годы советской власти Бурятия, бывшая колония царской России, бесправная, беспомощная, с кочевым населением, не знавшим промышленности и едва-едва освоившим хлебопашество, превратилась в республику передового колхозного скотоводства, земледелия и крупной индустрии. Шахтеры Гусиного Озера из года в год, из месяца в месяц увеличивают добычу угля — и солнечные лучи вспыхивают теперь не только в древних водах озера, но и в окнах пробегающих мимо поездов.

«Станция Гусиное Озеро», — рассеянно читает пассажир над дверями станционного здания, и взгляд его сразу становится внимательным: ему вспоминаются статьи и заметки в местной газете, фамилии знатных шахтеров. Он торопливо отыскивает газету среди кульков на столике. Что там сказано сегодня про это Гусиное Озеро? «В честь выборов в Верховный Со-

вет СССР,— читает он,— коллектив шахты № 2 Гусиноозерского рудоуправления добился высоких производственных показателей. Февральский план угледобычи выполнен им досрочно...»

Пассажир прижимается лицом к стеклу. Так вот, значит, тут и расположены Гусиноозерские шахты... Но, вглядываясь в огни шахтерского поселка, случайный пассажир — колхозник, рабочий, библиотекарь или учитель, спешащий по делам в столицу республики, Улан-Удэ, — не задумывается о судьбе изгнанника, который когда-то, сто лет тому назад, бродил по пустынным берегам, прислушиваясь к тишине, прерываемой захлебывающимися звуками колокольчиков бурятской кумирни и блеянием овец, и, присев у воды на круглый камень, задумчиво заносил в записную книжку рассказы старожилов и собственные свои наблюдения. «Бурый уголь тонкими и толстыми пластами залегает во многих местах», записал он однажды.

В 1854 году, в первом номере только что основанного в Москве журнала «Вестник Естественных Наук» на почетном — первом — месте появилась статья под названием «Гусиное Озеро». Подписи под статьей не было. Редакция в туманной сноске сообщала: «Статья, предлагаемая нами, составлена автором, проживающим более тридцати лет в Забайкалье». Такая неопределенность вызвана была запрещением упоминать имена декабристов в печати. Автором статьи был декабрист, отбывший в тюрьмах Сибири 13 лет каторжных работ и в 1839 году поселенный в Селенгинске, замечательный русский ученый, исследователь берегов Гусиного Озера, первый этнограф Бурятии — Николай Александрович Бестужев. В высоких показателях добычи угля советских гусиноозерских шахт воплощена и его прозорливость, а вклад в этнографию Бурятии, сделанный им, огромен.

Упоминания о Гусином Озере встречались в литературе и до статьи Николая Бестужева: во второй половине XVIII века в многотомном «Путешествии по разным провинциям Российского государства» П. С. Палласа; в 1823 году в «Письмах о восточной Сибири» А. Мартоса; в тридцатых годах в «Отрывках о Сибири» Геденштрома; в 1852 году член Сибирского отделения Географического общества Сельский опубликовал об озере небольшую статью. В семидесятых годах, ссылаясь на

статью Бестужева и кое в чем полемизируя с ним, писал о Гусином Озере Орлов, в восьмидесятых — Черский. В девяностых же годах статья декабриста была так незаслуженно и прочно забыта, что один из сотрудников «Горного Журнала» заявил: «О большей части месторождений официальных сведений почти нет, а лишь только один слух, что где-то по течению тех или других рек имеются угли; поэтому и найти такие месторождения представлялось много затруднений. В конце лета 1894 года мною были осмотрены следующие из них: Гусиноозерское, Загустайское и др.». Официальных сведений о Гусиноозерском месторождении в ту пору действительно не было, зато неофициальные были. Следовало только прислушаться к ним...

В конце XIX века изучение берегов Гусиного Озера началось совершенно заново, как будто и не существовало сорок лет назад статьи ссыльного декабриста. Плодотворным же практически оно оказалось только в советское время, когда, в начале тридцатых годов нашего века, на берега Гусиного Озера прибыла специальная экспедиция, составившая подробную геологическую карту района, и на первой конференции по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР было принято решение «широко развернуть работы на этом участке».

Статья Николая Бестужева о Гусином Озере разительно отличается от всех предыдущих статей, описаний и очерков, посвященных той же теме. Статья Сельского на ту же тему страдала излишнею беглостью, путешественники же, побывавшие вблизи озера до Сельского и Бестужева — и Паллас, и Геденштром, и Мартос — уделяли внимание главным образом гусиноозерскому дацану, обители ламаистского первосвященника Бандидо-Хамбы-Ламы, и подробно описывали длинные многоколенные трубы, звонкие литавры, барабаны, звучащие в дни праздников в честь буддийских богов, дивились фигурам драконов, украшающих стены кумирни, и молитвенным мельницам, которые каждым своим поворотом умножают молитвы, и жертвенникам, и пестрым полотнищам... Николай Бестужев первый посвятил Гусиному Озеру обширную обстоятельную статью, содержащую точное и подробное описание горных пород, сведения о местной флоре, об ископаемых, об истории озера, и о хозяйстве

бурят, кочующих на его берегах. Он описал их обычаи и нравы, он первым записал их причудливые поэтические сказки и первым из европейских исследователей заговорил о бурятском народе без всякого оттенка пренебрежительности, благожелательно и с уважением.

В этом сказалась декабристская идеология Бестужева, передового человека своего времени, которому чуждо было презрительное отношение к туземцам, как к «инородцам» и «дикарям». Судьбы народов, населяющих Сибирь, издавна занимали декабристов: вождь тайного общества Пестель в проекте конституции писал о необходимости сделать их «нашими братьями», позаботиться о том, чтобы они перестали «коснеть в жалостном своем положении»...

Первые страницы очерка посвящены объяснению причин прибыли и убыли воды в озере и описанию горных пород на его берегах: песчаника, валунов гранита, порфира и гнейса. Высказав уверенность, что вся история перемены уровня воды есть, в сущности, история непрекращающейся в этих местах вулканической деятельности, упомянув о землетрясении, которому он сам был свидетелем, и о пластах бурого угля, Бестужев переходит к описанию совершенной им по берегам озера далекой экскурсии.

«...я предпринял сделать обход пешком вокруг озера, — пишет Бестужев, — потому что с южной его стороны я выходил везде, а по северную сторону не только я, но и никто, кроме живущих там бурят, не бывал».

Николай Бестужев почерпнул из своего «обхода» богатый этнографический материал. Глубина его небольшой статьи поистине удивительна.

«Чтобы оценить богатство очерка Н. Бестужева, — пишет проф. Азадовский, советский исследователь, восстановивший утраченное место этой статьи в этнографической науке, — достаточно отметить и перечислить те этнографические категории, которых он касается в своем описании: физический тип бурят, нравственная характеристика, описание колыбели, способы кормления ребенка, приветствия бурят, головные уборы и их ритуальное значение, описание юрты и внутреннее ее устройство, балаганы белковщиков, заготовка дров, пищи, хранение ее, напитки... Затем свадебные обряды, калым, обычное право при белковании, способы исчисления времени и рас-

стояния, различные гадания, ритуальное убийство животных, развлечения: борьба, скачки, а также игры детей; подробное описание кузнечного искусства, рыбной ловли — летней и зимней, и, наконец, заметки о социальном и религиозном быте (следы старого шаманства, шаманские могилы, ламаизм). Кроме того, он приводит текст (в переводе) трех сказок и одной песни, нанося попутно много метких штрихов для характеристики сказочника, аудитории, манеры рассказывания и формальных особенностей песен и сказок... Его внимание часто приковывают мельчайшие детали быта, и он тщательно и подробно их описывает. Но это — не простое нанизывание фактов, которое так свойственно этнографам-коллекционерам... За мелкими деталями, за ничего не значащими мелочами он умеет разглядеть нечто важное и существенное».

Наблюдая селенгинских бурят, Николай Бестужев действительно сумел разглядеть «нечто важное и существенное»: он понял причины их тогдашнего неуклонного обнищания. Причинами были частые неурожаи, частое падение скота, но главная причина крылась не здесь. Тайши, зайсаны, шуленги — бурятские старшины и начальники — вот кто своею алчностью губил бурятский народ. Ламы — вот кто грабил его и намеренно держал в темноте и невежестве. Многие ученые позднейшего времени склонны были идеализировать внутриродовые отношения бурят, но Николай Бестужев обладал острым чутьем социальной несправедливости. «Наибольшие притеснения причиняют ему (буряту) его родовичи,— написано в «Гусином Озере».— Так как бурятские начальники, избранные однажды, остаются в должностях на всю жизнь, то бедные буряты, которые жалуются на злоупотребления, платятся за это дорого».

Виновниками нищеты и бесправия бурят, кроме зайсанов и тайш, Николай Бестужев справедливо считал священнослужителей ламаистской религии — лам. «Ламское сословие есть язва бурятского племени», — решительно писал он. И тут же рассказывал, как наживаются ламы на суевериях народа, стараясь при этом всячески поддерживать «отдаление бурят от русских», сознательно тормозя приобщение бурятского народа к русской — более высокой — культуре. «Ламы из неопрятности сделали даже религиозную обязанность, говоря,

что умываться, а пуще того ходить в баню, держать посуду в опрятности — смертный грех. Они очень хорошо понимают, что приближение к русским лишает их того влияния, которое имеют они на бурят. Так, например, работник-бурят в русском доме в городе уже умывается, не ест падали, а потому и обедает за одним столом с русскими; за то, если он болен, его лечат русскими лекарствами, если умрет у него отец или мать, он не имеет времени созывать много лам для трехдневных и более поминок, а в этих случаях ламы лишаются порядочной поживки. Здесь, в окрестностях, жил бурят, по прозванию Марко-богатый; он точно был богат, но ему стоило захворать и пролежать пять месяцев, чтобы сделаться нищим. Налетело множество лам, как воронов, надобно было совершать с утра до вечера моления, отгонять злого духа бубнами, трубами и прочею варварскою музыкою. Надо было обкладывать больного то коровьими, то бараньими внутренностями по усмотрению лам-врачей; натурально, что требуха доставалась на долю больного, а мясо ламам; сверх того, надобно было платить и за службу, и за дружбу, и за труды, так что к концу болезни Марко-богатый стал Марко-нищий. Тогда ламы оставили его на произвол природы, которая не преминула в свою очередь, без всякой платы поставить его на ноги, а те отправились искать новых жертв».

Не скрывая от читателя отрицательных черт тогдашних нравов, с горечью замечая, что буряты хитры и уклончивы, что они неопрятны, автор очерка в то же время любовно подчеркивает их трудолюбие, понятливость, сообразительность, гостеприимство. «Самый бедный из них,— отмечает Бестужев,— при посещении его даже незнакомым человеком, засыплет для него в чашу последнюю варю чая и будет сидеть после того сам голодом несколько дней». «Несмотря на все стесняющие обстоятельства,— пишет Бестужев в конце очерка о «Гусином Озере»,— бурят сметлив... наблюдательность развита в нем в высшей степени... Что же касается до умственных способностей бурят, то, по моему мнению, они идут наравне со всеми лучшими племенами человеческого рода».

Нам подобное заключение представляется само собой разумеющимся. Но для того, чтобы оценить его истинный вес, мы должны вспомнить годы, когда оно было

сделано. Середина прошлого века! В ту пору буржуазные ученые Запада наперебой твердили, будто «дикие», «нецивилизованные» племена по самой своей природе неспособны к развитию...

Изо всех декабристов, вышедших после отбытия каторги на поселение, Николай Александрович Бестужев был, пожалуй, наиболее подготовлен к той огромной роли в культурном развитии края, какую всем им предстояло сыграть. Он явился в Селенгинск человеком разносторонне образованным и в то же время деятелем, хозяином, практиком: не было такого мастерства, которым он не овладел бы в тюрьме. Характер его, хладнокровный, рассудительный и необыкновенно упорный, закалился и окреп в испытаниях 14 декабря и казематов.

Попытавшись после неудачи восстания скрыться, Николай Александрович сбрил бакенбарды, переоделся в матросское платье, добрался было до Толбухина маяка, и если бы не случайное предательство,— арестовать его не удалось бы. Спокойно и доблестно держался он на допросах; его холодная дерзость ставила втупик следователей. По дороге в Сибирь хладнокровие и находчивость Николая Бестужева спасли жизнь брату его, Михаилу: фельдъегерь — «существо», по определению Михаила Бестужева, «гнусное», эфесом сабли неистово колотил ямщика, несчастный ямщик без устали стегал лошадей, и на крутом Суксунском спуске в Пермской губернии случилась катастрофа: лошади понесли, скованный Михаил Бестужев вылетел из телеги на всем ходу, повозки других арестантов с грохотом неслись на него. Взбешенные кони били уже копытами над головой Михаила, когда Николай Бестужев бросился на помощь брату и с опасностью для жизни вытащил его из-под лошадиных копыт. В остроге Читы, в каземате Петровского завода его неисчерпаемая изобретательность постоянно развлекала и выручала товарищей. Здесь он сделался искусным часовщиком, золотых дел мастером, кузнецом, токарем, переплетчиком. По свидетельству Михаила Бестужева, вокруг «брата Николая» постоянно теснились товарищи, прося показать, как сделать одно, смастерить другое, укрепить и наладить третье. Когда в Чите декабристы завели на тюремном дворе огород, Николай Бестужев «придумал и устроил поливальную машину». Когда узникам разрешено было, в сопровождении конвойного,

выходить по очереди за частокол «для съемки планов», Николай Александрович сам, своими руками, смастерил все необходимые инструменты. Когда с декабристов, по прошествии нескольких лет, сняли оковы, — которых по закону вообще не имели права на них надевать, — Михаил и Николай Бестужевы затеяли целое производство: отпилив от цепей несколько звеньев, они стали выковывать перстни, дарили их друзьям, посылали в Россию родным «как священный залог, эмблему страданий за истину». Когда одна из доблестных женщин, последовавшая за мужем в Сибирь, жена Никиты Муравьева, Александра Григорьевна, выписала из Москвы для Николая Бестужева набор часовых инструментов, он изготовил для нее в благодарность небольшие столовые часы со стеклянным циферблатом и сквозною станиною. Когда по дороге из Читы на Петровский завод путников захватил сильный ливень и в юрте им было трудно согреться, он сейчас же устроил из дерна особую печку: дым не расходился по юрте, как это обычно бывало в жилищах бурят, а уходил в круглую дыру наверху. Когда недалеко от селения Тарбагатай повстречался им мельник с жалобой, что мельница не хочет молоть, Николай Бестужев, с разрешения коменданта, осмотрел мельницу и объяснил, как наладить плотину. После многодневного пути они достигли Петровского завода, и их снова заперли в тюрьму — в специально выстроенный при заводе каземат. Оказалось, что в этом каземате, сооруженном по указаниям царя, совсем нету наружных окон. Узники обречены были на слепоту. Жены подняли тревогу в Петербурге, и когда, под воздействием негодующего общественного мнения, царь разрешил прорубить в каждой камере крошечное окошко, Николай Бестужев первый приспособил у себя в камере подмостки, поднимавшие его вместе со станками и приборами наверх, к самому окну. Когда, не выдержав сурового климата и постоянной тревоги за мужа в тюрьме и за оставшихся в России детей, Александра Григорьевна умерла на Петровском заводе, Николай Бестужев вытесал гроб для покойницы и не простой, а особенный: «с винтами, скобами и украшениями», как рассказывает один из его друзей, и даже, — в надежде, что прах ее, согласно ее предсмертной просьбе, разрешат отправить в Россию, — отлил особый свинцовый ящик.

Технические дарования Николая Бестужева в тюрьме не угасли, не угасла и его любовь к родному флоту. «Еще в Чите, — вспоминает Михаил Александрович, отбывавший вместе с Николаем годы каторги, а потом поселения, — когда мы набиты были, как сельди в бочонке, у брата Николая зародилась благодетельная мысль упростить хронометр и тем избавить тысячи судов, погибающих от невозможности, по великой ценности, приобрести их. Он, с помощью только перочинного ножа и небольшого подпилка, создал первообраз своей идеи — часы au jour с качающимся как на весах коромыслом. Как это просто и коротко написать — создал! Но я потому употребил этот глагол, что брат именно с о з д а л часы из ничего. Он, с помощью ножика и подпилка, должен был создать токарный станок; с его помощью он должен был устроить делительную машину для нарезки зубьев, часовых колес, для поверки шестерней и пр. и пр.». «Создать часы из ничего», т. е. без материала, без инструментов,— это, конечно, большая заслуга, но еще примечательнее, что неотступная мысль об усовершенствовании флота, о благе русских моряков и на каторге не покидала моряка Николая Бестужева. Упорство в достижении цели было у него безграничное. «Следя за развитием мореплавания, — вспоминает Михаил Александрович, — брат с прискорбием видел, что год от году крушение кораблей умножается, и главною причиною крушений была, почти всегда, неверность определения пункта в критический момент крушения от неимения хронометра, который, по дороговизне, был доступен только богачам. Он замыслил упростить его и сделать всем доступным». И эти замыслы лелеял человек, приговоренный к двадцати годам каторги, носивший на ногах цепи! Отсутствие инструментов не заставило его отказаться от любимой идеи. «Нам не давали даже иголок из опасения, что мы сделаем из них магнитную стрелку и компас и убежим», вспоминал декабрист Завалишин. В первую пору пребывания в Чите декабристам не давали не только иголок, но и бумаги и карандаша; тот же Завалишин вынужден был писать на бумажках от содовых порошков кусочком свинца и прятать их за корешком книжного переплета. И в этих условиях Николай Бестужев продолжал работу над созданием хронометра, который в бури должен будет спасать моряков... «Нико-

лай Александрович Бестужев устроил часы своего изобретения с горизонтальным маятником, — вспоминал декабрист Беляев. — Это было истинное великое художественное произведение... Как он устроил эти часы — это загадка... Эта работа его показала, какими необыкновенными гениальными способностями обладает он».

Гениальные способности Николая Бестужева тратились в тюрьме в большой степени на решение технических головоломок. Но через несколько лет после перевода декабристов из Читы на Петровский завод способностям Николая Александровича было найдено другое, более широкое применение. Государственному преступнику, каторжнику, удалось принять участие в усовершенствовании производства.

Вокруг единственной доменной печи Петровского завода, заботами начальства организован был настоящий ад. Печь извергала дым и пламя; рабочие, еле прикрытые войлочными панцырями, с опасностью смертельных ожогов, ломами и баграми пробивали брешь в домне, которая тотчас же выпускала огненный ручей чугуна. Работали на заводе, кроме горнозаводских служителей, так называемые «приписные» крестьяне и осужденные на каторгу преступники. С преступников даже во время работы не снимали оков: и ломом и багром орудовали они в цепях. Рабочий день длился без конца, нередко превращаясь в рабочую ночь. На заводе, по свидетельству одного из декабристов, «приписные крестьяне обречены были на участь, еще горшую каторжной». Каторжник, окончивший свой срок, был спасен, «а отверженное племя крестьян и горнозаводских служителей обречено с колыбели до совершенного истощения сил оставаться или угольщиком, или дровосеком, или кузнецом». «От колыбели», это сказано было почти без преувеличения: дети крестьян и горнозаводских служащих «приписывались» к заводу с двух лет, а работать начинали с десяти. «Кипят в этом котле сотни рабочих всю ночь,— рассказывал очевидец,— подростки... на рабочем жаргоне «духи»... суетятся тут же». Ничем не сдерживаемый произвол начальства, по определению одного из узников, «повсеместно заменял все божеские и человеческие законы и карал заводского служителя наравне с кандальником». И ребенка наравне со взрослым,— добавим мы. Производительность этого завода, располагавшего всего одним до-

менным горном, тремя молотовыми горнами и двенадцатью ручными, завода, использовавшего подневольный каторжный труд, естественно была очень низкая: в тридцатых годах, через 40 лет после своего основания, ценою безжалостно загубленных жизней, он проплавлял «для кабинета его императорского величества» всего 60 пудов руды в год...

Декабристов, размещенных «в темных стойлах Петровского каземата», к доменной печи, в ад, не посылали. Начальство изобретало для них особые работы. В Чите их водили закапывать овраг, который они прозвали Чертовой могилой, или ровнять дорогу, или молоть зерно. В Петровском они тоже мололи муку на ручных мельницах. К печи их не посылали — не из боязни, конечно, надорвать их здоровье, а из опасения, чтобы они не принесли в рабочую среду «революционной заразы». И тюремщикам было чего опасаться!

«...большая часть преступлений вынуждена порочным устройством нашего общества, — пишет о причинах ссылки на каторгу Михаил Бестужев, — это были жертвы то́ бесчеловечия помещиков или начальников, то́ отчаяния оскорбленного отца, мужа или жениха, то́ случайного разгула русской природы, и еще чаще произвола нашего бессовестного и бестолкового суда». Людей, высказывающих такую точку зрения на несчастных, ввергнутых в ад каторжных работ, ни в коем случае нельзя было допустить к свободному общению с ними. Вот почему для декабристов и в Чите и в Петровском выдумывали особый режим, особые работы... Но умственное и нравственное воздействие лучших, образованнейших, передовых людей России, собранных в Петровском каземате, было слишком велико, слишком настойчиво, чтобы в конце концов в известной мере не подчинить себе и тюремное и горное начальство.

«Наше присутствие в заводе имело благодетельное влияние на укрощение буйного произвола начальствующих», — вспоминал Михаил Бестужев. Декабристы стали заступниками за несчастных рабочих перед их общим начальством и учителями тех и других. Недаром Петровский каземат — унылое, безглазое здание, выкрашенное в мутно-желтую краску, — сначала в шутку, а потом и всерьез — окружающие и сами декабристы стали называть Петровской академией. Время, когда узникам не

давали карандаша и бумаги, миновало; через несколько лет в каземате было уже несколько десятков тысяч книг, каземат выписывал газеты и журналы на всех языках Европы, узники читали друг другу лекции по истории, математике, военным наукам, литературе, читали собственные научные и литературные произведения, давали концерты.

«Никита Муравьев, имея собрание превосходных карт, читал нам из головы лекции по стратегии и тактике,— вспоминает декабрист Розен—Вольф о физике, химии и анатомии; Бобрищев-Пущин 2-й — о высшей прикладной математике; Корнилович и Муханов читали историю России; Одоевский — русскую словесность».

Николай Александрович Бестужев вместе со всеми энергично учил и учился, написав в то же время, по просьбе товарищей, «Воспоминания о Рылееве», т. е., по существу говоря, первую в русской литературе работу по истории декабризма.

Правительство попыталось отрезать декабристов от внешнего мира, загнав их в Сибирь, запретив переписываться с родными, но героические русские женщины, последовавшие в Сибирь за мужьями, совершили великий общественный подвиг, прорвав правительственную блокаду, соединив Петровский каземат с Москвой и Петербургом: под диктовку узников, они регулярно писали письма их родным, якобы от своего имени, и сами постоянно извещали сочувствующее столичное общество обо всех нуждах каземата. В ответ из барских особняков в мрачное желтое здание в сырой котловине среди гор у речки Балеги по почте и с оказиями шли романы, журналы, научные книги, справочники, карты, семена редких растений, музыкальные инструменты, токарные станки, лечебные пособия. С годами каземат завоевывал и укреплял свои научные и академические права: он стал академией для одних, школой для других. Горнозаводские служители, местные чиновники, ссыльные и даже буряты из дальних кочевий стали посылать туда сыновей учиться грамоте, ремеслам, музыке, арифметике, а некоторые — естественным наукам, высшей математике, иностранным языкам. Известно имя бурятского юноши, одного из учеников Николая Бестужева: Усумбат Сарампилов. Сначала комендант ни за что не разрешал заключенным учить: узники пошли на хитрость и попроси-

ли разрешения учить церковному пению. Разрешили. Но без грамоты не научишься петь на клиросе: разрешили учить грамоте. Так, в каземате создалась школа, в которой самыми ревностными учителями были Николай и Михаил Бестужевы. С годами юноши, прошедшие курс наук в казематской школе, уезжали в Петербург продолжать образование, и нередко случалось, что ученики каземата на экзаменах в высшие учебные заведения столицы занимали первые места... Скоро в каземат, к государственному преступнику, искусному доктору Вольфу, стали съезжаться больные не только из Забайкалья, а даже из Иркутска. Вольф прославился тем, что вылечил от смертельной болезни самого коменданта. Лекарств таких, как в каземате, во всей Сибири не было. И таких специалистов по всем областям знания. Главный начальник каземата, комендант Лепарский, собиравший коллекцию редких минералов, не приобретал ни одного нового камня, не посоветовавшись с государственным преступником Николаем Бестужевым. Что бы ни случалось на заводе: горн ли отказал, плотина ли прорвалась,— служащие бежали в каземат к Николаю Бестужеву или другу его, Константину Торсону. Когда же управляющим Петровским заводом стал горный инженер Александр Ильич Арсеньев, разносторонняя деятельность Бестужева и Торсона приобрела новый размах.

Арсеньев был образованный инженер, выгодно отличавшийся от других горных начальников человечным, гуманным обращением с каторжниками. Он быстро завоевал симпатии рабочих завода и казематских узников. «Он был истинный отец для служителей и кандальников», — так характеризовал его Михаил Бестужев. Время, свободное от службы, Арсеньев проводил в каземате, принимая участие в бурных политических и научных спорах. «Посреди нас — он был наш; мы и он делили пополам и радость и горе», —вспоминали о нем декабристы. Когда же по делам службы Арсеньев уезжал в Петербург, он брал с собою целый ящик писем к родным своих казематских друзей. «Человек, каких мало на свете: честен, прямодушен, добр и благороден», — так рекомендовал Арсеньева своим сестрам Николай Бестужев в одном из писем, отправленных в Петербург с инженером. И в том же письме давал высокую оценку Арсеньеву как специалисту по горному делу. «Вы мо-

жете себе представить, что мы в нем теряем и как в благородном друге и как в управляющем... А что теряет в нем наш завод, — это я предоставляю вам самим сделать заключение».

Разумеется, «гениальные способности» Николая Бестужева не ускользнули от внимания нового управляющего заводом. И, нарушая все тюремные правила, он привлек Николая Александровича к разрешению насущных проблем производства. Каковы именно были эти проблемы, как они были решены, — в точности нам неизвестно. Но известен блестящий результат совместной деятельности Арсеньева и Николая Бестужева: им «удалось доказать,— пишет Михаил Александрович,— что из петровского чугуна можно делать железо не хуже шведского». Любопытно свидетельство декабриста Завалишина о техническом переоборудовании Петровского завода. «Пребывание наше в Петровском заводе,— пишет он,— обратило внимание всех на это место. Его стали посещать и правительственные лица, и ученые, и путешественники, что и побудило горное начальство преобразовать завод. Почти все заводские постройки были возведены вновь и приноровлены к улучшенным производствам». Без боязни ошибиться, можно смело утверждать, что правой рукой инженера Арсеньева в деле «улучшения производства» был Николай Бестужев.

Срок каторги для братьев Бестужевых окончился в июле 1839 года. Еще задолго до дня своего освобождения — до того дня, когда мрачное желтое здание в сырой котловине останется позади и начнется новая, неизвестная жизнь, — еще задолго до этого дня начались сборы в дорогу и предотъездные хлопоты. Надо было, чтобы сестры успели переслать им деньги, завещанные «братом Александром», знаменитым писателем, декабристом Александром Бестужевым-Марлинским, разжалованным в солдаты и убитым на Кавказе. Чтобы сестры успели выхлопотать для них разрешение поселиться не под Иркутском, и не в Кургане, а в Селенгинске, где уже ожидал их Константин Петрович Торсон, отбывший каторжный срок раньше, чем они. Надо было успеть смастерить, отлить, выковать на заводе с помощью друзей-мастеров части молотильной машины, которую задумал выстроить Торсон, и гвозди, сошняки, бороны, хозяй-

ственные приспособления, необходимые для собственного будущего хозяйства.

Бестужевы ехали в Селенгинск с обширными планами. Хозяйство, думали они, даст им возможность существовать безбедно, снять тяжкую заботу с усталых плеч матери и сестер. Они будут трудиться не покладая рук, они изучат местные условия и призовут на помощь технику, — разве у Николая Бестужева не золотая голова, не золотые руки? Разве друг их, Торсон, не тратит сейчас столько же изобретательности и труда на усовершенствование своей молотилки, как когда-то на оснащение «Эмгетейна»? Старость еще далека, у них еще есть время и силы, они сильны образованием, сноровкой, наукой, дружбою — они своего добьются.

В 1929 году, через 90 лет после прибытия Бестужевых в Селенгинск, в Иркутске вышла книга «Письма из Сибири декабристов М. и Н. Бестужевых». Эти письма — живая повесть борьбы передовых русских людей за создание образцового хозяйства, опирающегося на технику и науку в глухом краю, среди кочевого народа, близ ветхого, засыпаемого песком городка. И в то же время письма Бестужевых из Селенгинска — особенно письма Николая — это ценнейший источник для экономической истории Забайкалья. Обстоятельно и подробно, с глубоким знанием дела, Николай Александрович описывает матери и сестрам приемы хлебопашества и овцеводства в Забайкалье, выделку кож, условия торговли с Китаем, соперничество между сибирскими и российскими купцами на кяхтинском рынке, климат, пожары лесов, землетрясения, ледоставы. Часто встречаются в письмах Николая Бестужева и великолепные по своей художественной выразительности описания забайкальской природы, но говорит ли он о горах, о лесах или о реках — всюду слышен голос хозяина, общественного деятеля, стремящегося возможно глубже проникнуть в сущность явлений природы и народного быта, а не случайного путешественника, любующегося красивыми видами. Занят он не столько описаниями красоты гор и рек, хотя он описывает их с большой любовью, сколько изображением человеческого труда на полях, на горах, на пастбищах, изображением всех приемов этого труда и плодов его.

«Ты нашего края не обижай, называя его бесхлеб-

ным, — пишет он сестре Елене в июне 1841 года, — кругом нас места чрезвычайно хлебородные и землепашество к югу, т. е. к китайской границе, при трудолюбии тамошних жителей, по способу обработки земли, если не может сравняться с иностранными, то по урожайности, конечно, его превосходит. Здесь по Чикою-реке есть селения, где не только равнины, но даже горы до самых вершин запахиваются, куда соху надо завозить верхом или заносить руками и где пашут на таких крутизнах, что борозду можно только делать сверху, а на верх соху опять заносить на руках должно. Этот пример трудолюбия вознаграждается почти всегдашними урожаями. Внизу по течению Селенги есть старообрядческие многолюдные селения, которые также щеголяют хлебопашеством; особенно известна так называемая тарбагатайская пшеница».

Замечательны строки одного из писем Николая Бестужева к сестре, в которых он объясняет понижение урожаев в Забайкалье тем, что там не берегут лес. В этих отрывках виден проницательный ученый, ясно понимающий ту зависимость, какая существует между лесами и плодородностью края.

«Частые пожары лесов, — пишет он сестре в августе 1841 года, — распространение народонаселения, для которого нужны и строевой лес и дрова, частью истребили, частью изредили прежние дремучие леса, где хранились в неосыхаемых болотах запасы вод, питавшие реки и горные источники. Болота высохли, речки обмелели, источники иссякли совершенно, и хлеб родится ныне только в смочные годы, тогда как прежде урожаи были почти баснословные... То же самое сделалось и с травою: с утратою леса обнажились поля... весенние жестокие ветры начали выдувать песок с обнаженных лугов; в одном месте вырыты глубокие буераки, на другое нанесены песчаные холмы...»

Богаты письма Николая Бестужева и наблюдениями над бытом и нравами бурят. Рассказывает он о том, как буряты приготовляют пищу, как они варят чай, о бурятских юртах, о том, как буряты пасут свои стада, как сеют хлеб, как совершают моления перед своими богами. В этом смысле письма к родным являются для этнографа ценным приложением к статье о Гусином Озере. Но, к сожалению, те же письма могут служить

печальной повестью хозяйственных неудач маленькой декабристской колонии, образовавшейся в сороковых годах прошлого века на левом берегу Селенги, в трех верстах от города.

Колония состояла из Михаила и Николая Бестужевых, Константина Петровича Торсона и вскоре приехавших к Торсону матери и сестры. Жили они близко друг от друга; домик, в котором помещались Бестужевы, был отделен от домика Торсона только глубоким оврагом. Бестужевы и Торсон постепенно приобрели и построили на своей заимке амбары, конюшни, сараи, флигели. Правительство выделило каждому из них в шестнадцати верстах от жилья небольшой земельный надел. Все они работали без устали. Торсон был одержим идеей внедрения в сельское хозяйство машин. Это была его мечта, его забота, его болезнь, его жизнь. «Он, — сообщает Михаил Бестужев, — хотел основать по своему проекту мукомольную мельницу, крупчатку, молотильню и веялку — с одною действующею силою — и потом образовать механическое заведение для снабжения всего края механическими орудиями для производства работ по всем отраслям сельского хозяйства».

На собственные скудные средства и по собственным чертежам Торсон соорудил молотилку: «увидевши, с какой легкостью и чистотою она намолачивает зерно, мелкие земледельцы сами пожелают избавить себя от труда работать»,— рассчитывал он. — «Я хочу делать машины для пользы людей, чтобы облегчить земледелие здешнего края», — упорно твердил он в беседах с друзьями. И что же? Как видно из писем Бестужевых и из других документов, никто не пожелал пользоваться его молотилкой. Она стояла в сарае безобразным остовом неудавшейся жизни, и строитель не раз говорил, что он с удовольствием сжег бы свое сооружение, если бы не боялся спалить постройки... Бестужевы оросили свой участок, сеяли хлеб, устроили неизвестные до них в том краю парники, где выращивали арбузы и дыни, столярничали, расширяли постройки, но главные свои хозяйственные надежды возложили на разведение тонкорунных овец. Войдя в товарищество с селенгинскими купцами, они приобрели 500 голов мериносовых тонкорунных овец и умелым уходом, запасливой заготовкой сена на зиму привели стадо в прекрасное состояние.

В то время как у соседей нередко погибали целые стада от насморков и поносов, а чаще — оттого, что скот и зимою держали на подножном корму и в снежные зимы он не в силах был добывать себе траву из-под снега, — овцы Бестужевых тучнели, давали прекрасный приплод и мерлушку высшего качества. И что же? Никто не приобретал ни ягнят, ни мерлушки. Стадо не окупалось. Деньги и труды были пущены на ветер.

В 1947 году, к тридцатилетнему юбилею Бурят-Монгольской АССР, вышел сборник статей под названием «Бурят-Монголия за 30 лет советской власти».

«До революции сельское хозяйство нашей республики велось самым отсталым образом, — написано в одной из статей этого сборника. — Скот — основной источник существования сельского населения, днем и ночью, зимой и летом содержался под открытым небом. Судьба скотовода-кочевника полностью и безраздельно находилась во власти капризов природы. Во время зимних буранов и весенней гололедицы погибали сотни и тысячи голов скота. Огромное количество скота болело разного рода заразными заболеваниями — такими, как чума, сибирская язва и др. ...

...Историческую роль в коренном преобразовании сельского хозяйства республики сыграло принятое в мае 1929 года ЦК ВКП(б) постановление о ликвидации дореволюционных земельных отношений, о переводе на оседлость кочевого и полукочевого населения Бурят-Монголии...

...Вместе с колхозами пришли на поля республики сложнейшие сельскохозяйственные машины».

Каким тонким и точным чувством будущего надо было обладать, чтобы сто лет тому назад ухватиться именно за те звенья хозяйства, за которые можно вытянуть всю его цепь! Однако до государственной заботы об улучшении народного хозяйства было далеко, а настоящее и тут задушило мечту декабристов. Хозяйственные нужды края были ясны им, но даже они, передовые люди своего времени, не в состоянии были осознать, в какой степени отсталость тогдашнего хозяйства Бурятии была обусловлена отсталостью всего социального строя. В царской России среди кочевого народа, среди векового невежества, поддерживаемого бурятскими тайшами, ламами и царскими чиновниками, объектив-

ных предпосылок для реорганизации хозяйства на основе науки и техники не было.

Опыт разведения тонкорунных овец в Селенгинске в те времена не мог не остаться бесплодным: шерсть некуда было сбывать. Своих фабрик в тогдашней Бурятии не существовало; не существовало и железных дорог, по которым можно было бы дешево доставлять шерсть на фабрики России. Опыт Бестужевых не мог привиться. Содержание породистых овец требовало запасов сена, а кочевники запасов не делали. Для использования молотилки Торсона требовались крупные хозяйства, а хозяйства кругом были мелкие. Объективные экономические условия были против хозяйственных начинаний пионеров науки в Бурятии; против них была и невежественная, реакционная, трусливая власть.

Согласно инструкции, данной местному начальнику всемогущим Третьим отделением, самые простые и естественные действия были поселенным декабристам запрещены. Торсон хотел посоветоваться о чертежах своей молотильной машины с петербургскими специалистами и для этого послал чертежи и статью с описанием усовершенствованной им машины в Петербург. Статья, чертежи, письмо — все должно было пройти через Третье отделение. И все приказано было вернуть в Селенгинск; причем селенгинскому городничему предписано было вручить статью «преступнику Торсону с объявлением, что предписанием графа Бенкендорфа не дозволяется государственным преступникам к кому-либо посылать свои сочинения, как несоответствующие положению преступников»... Инструкция запрещала декабристам удаляться без особого разрешения более чем на пятнадцать верст от своего дома, а между тем зе́мли, предоставленные Бестужевым под сенокос и пахоту, были расположены от них в шестнадцати верстах. Обычно на их поездки смотрели сквозь пальцы, но когда среди местных чиновников оказывался особенно старательный негодяй, он начинал теснить беззащитных, разъясняя Бестужевым, что для отлучки на покос им надлежит писать в Петербург на имя шефа жандармов с просьбой испросить у государя «высочайшее разрешение» на выезд. Однажды, чтобы пристыдить тюремщиков и подчеркнуть нелепость подобных предписаний, Бестужевы и написали такую просьбу.

«Ваше высокопревосходительство! — писали братья. — Известились мы, что в наши пашни, засеянные пшеницей, разломав преграду, ворвались 20 голов рогатого скота и стадо овец... и начали травить почти созрелую жатву. Но т. к. по инструкции... нам не позволяется ехать далее 15 верст от нашего жительства, а пашни отстоят от нас в 16 верстах, то мы в необходимости нашлись обратиться к вашему высокопревосходительству со всепокорнейшей просьбою доложить государю императору для получения милостивого разрешения ехать на пашню, чтоб выгнать скота».

«Просьба осталась без ответа, — рассказывает Михаил Бестужев, — а распоряжение все-таки осталось во всей своей силе и давало оружие какому-нибудь квартальному делать нам притеснения на каждом шагу».

Бедность теснила Бестужевых: хозяйство, на которое было положено столько труда, не давало дохода. Николай Александрович выхлопотал для себя разрешение съездить в Кяхту и там занялся живописью. Он любил писать маслом и акварелью: в Петровском каземате он исполнил «для истории» портреты всех своих товарищей. Теперь он работал для денег: местные купцы и купчихи, чиновники и чиновницы наперебой заказывали ему свои портреты. Он был в моде, кистью он заработал немало. Деньги нужны были: матушка скончалась, сестры выхлопотали у царя разрешение приехать в Селенгинск. Это было великое счастье — увидеться с милыми сердцу после двадцати трех лет разлуки, но расходы увеличились, а стадо овец и пашни не давали дохода. Сестра Елена ласково уговаривала Николая вспомнить, что он писатель, что он писал когда-то повести и очерки, и снова писать. Но к чему это, если написанное обречено умереть в том же столе, на котором родится, — ведь «государственным преступникам не дозволяется к кому-либо посылать свои сочинения, как несоответствующие положению преступников». На Петровском заводе он написал повесть, написал «Воспоминания о Рылееве» и большую работу «О свободе торговли» — что толку? Крысы по ночам грызут бумаги. Николай Александрович мрачнел. Брата Александра убили, брата Петра свели с ума. А сам он жив и в здравом рассудке, но никогда не увидит плодов труда рук своих. Остатки жизни он ухлопал на усовершенствование хроно-

метров — и что же? Постоянное отставание одного из них — всего $^1/_{10}$ секунды; результат лучше, чем у англичан и французов — но окончить работу нельзя, потому что в Сибири невозможно достать прокатанной латуни для станин. Он написал Струве, директору Пулковской обсерватории, в Петербург. Такая латунь, прокатанная через плющильные станки, продавалась в Петербурге готовая. Но передал ли письмо Бенкендорф? Ответа нет. Видно, упрощение хронометров для пользы родного флота тоже «не соответствует положению преступников».

Черные мысли одолевали его, теснили сильнее, чем бедность. Он не сдавался, конечно. Мужество не покидало его. Он — тот самый Николай Бестужев, о чьих гордых ответах на следствии ходили в Петербурге легенды. На следствии в числе многих других его обвиняли в «умысле на цареубийство». Среди членов комиссии был князь Кутузов, некогда принимавший участие в убийстве Павла. «Скажите, капитан,— обратился он к Бестужеву,— как могли вы решиться на такое гнусное покушение?» — «Я удивляюсь, князь,— высокомерно подняв брови, отвечал ему Бестужев,— что этот вопрос задаете мне вы!» Сам следователь следователей — царь — обещал Николаю Бестужеву помилование, если он раскается и впредь будет верным слугой. «Все в моих руках, я могу простить вам».— «В том-то и несчастье,— ответил Бестужев,— что вы все можете сделать; что вы выше закона! А мы желаем, чтобы впредь жребий ваших подданных зависел от закона, а не от вашей угодности».

Он и сейчас был тот же — непреклонный и мужественный, любимый товарищами, боготворимый родными, почитаемый бурятами, вызывающий уважение и страх даже у начальства. Это был тот самый Николай Бестужев, который из камеры Петровского каземата написал брату Александру: «Мы думаем, что несчастье дóлжно переносить с достоинством; что всякое выражение скорби неприлично в нашем положении». И не было выражения скорби, не было, хотя тоскливые мысли томили его. Была упорная ежедневная работа на пользу того края, в котором он оказался.

В 1853 году в «Трудах Вольного экономического общества» Николаю Бестужеву удалось поместить — разумеется без подписи — два очерка: «О бурятском хозяйстве» и «О новоизобретенном в Сибири экипаже».

В первом очерке рассказано о земледелии и скотоводстве у бурят. Немногими, но точно найденными словами определяет он причины, обусловливающие убожество скотоводства кочевников. «Буряты кормят только дойных коров и овец для молока,— пишет он,— а яловые коровы питаются подножным кормом всю зиму». Однако, делая это замечание, Бестужев понимает отлично, что причина такого бесхозяйственного обращения со скотом вызывается вовсе не прихотью, а жестокой экономической необходимостью. «Не у всех есть покосы», — объясняет он, — «стало быть не у всех и запасы сена». И вот результат несправедливого распределения земель, вызывающий бедствия, голод, нужду в целом крае: «...скотина не может добывать себе пищу из-под глубокого снега, какой был, например, прошлой зимой, и у нас, за Байкалом, вывалились сотни тысяч скота, лошадей, баранов».

В статье «О бурятском хозяйстве», как и в статье «Гусиное Озеро», Николай Бестужев с любовью подчеркивает трудолюбие и находчивость бурят.

«Бурят и плотник, и кузнец»,— пишет он,— «и столяр... и пахарь, и косец... Чрезвычайно просто и остроумно плавят они дрова по быстрым нашим рекам, усеянным островами, отмелями, каменными грядами. Они делают из четырех нетолстых бревен раму и опускают ее на воду; в эту раму бросают дрова как попало и накидывают таким образом сажень до 15. Верхние дрова погружают нижние, а эти, в свою очередь, по удельному своему весу, приподнимаются, и, таким образом, на воде составляется куча, выпуклая сверху и снизу, сдержанная с боков рамою, а снизу — переплетенным положением дров и собственным стремлением кверху. К этой раме приделывают две петли, и, таким образом, переходят пространство верст на 50 и более, между всех опасностей горной реки». В очерке о «сидейках» — экипажах, изобретенных им совместно с братом Михаилом, удобных для узких горных дорог,— отчетливо проступают главные черты Николая Бестужева: не только этнографа, наблюдателя, ученого, но и практика, стремящегося широко распространять свой опыт. Он с гордостью сообщает, что через год после изобретения сидеек «нашел бесконечное число подражаний». «Жители,— пишет он,— признавались мне, что с той поры, как

они стали ездить на сидейках, верховая езда ими вовсе оставлена: маленькая сидейка везде пройдет, где пройдет и верховая лошадь». И приведя чертежи новоизобретенного экипажа, автор добавляет: «Вовсе не желаю, чтобы эта выдумка была под нашим именем, но приятно бы было видеть, если бы она пошла на пользу соотечественникам русским, как она оказалась полезною, легкою и удобною сибирякам!»

Ни тоска, ни придирки начальства, ни хозяйственные неудачи, ни «нужда, хватающая за бока», не властны были разлучить Николая Бестужева с приборами и станками. У себя в домике он устроил обсерваторию, где производил метеорологические, астрономические и сейсмологические наблюдения. Он тщательно наблюдал и записывал убыль и прибыль воды на реке Селенге. «Частые землетрясения навели меня на идею повесить на проволоке двадцатифунтовое ядро со шпилькой внизу,— сообщал он в одном из писем. — Эта шпилька опущена концом в ящик с мелким песком и при каждом землетрясении чертит его направление. Но тут открылось другое: шпилька показывает тихое колебание почвы и, как я веду метеорологический журнал, где записываются такие повышения и понижения воды в Селенгинске, то согласие убыли и прибыли воды поразительно. Сверх того, я устроил верные часы: погрешности их точно так же соответствуют колебаниям почвы. Если шпилька неподвижна, часы мои делают погрешности, не превосходящие нескольких десятых секунды, но за секунду не переходят. Я поверяю их еженощно по звездным наблюдениям, для чего у меня род пассатного инструмента с трубою». Не ограничиваясь научными наблюдениями, он, как всегда, стремился изменять окружающий быт, вводить в него усовершенствования и, как всегда, успевал в этом: изобрел печь простейшей кладки, которая требовала мало дров и долго хранила тепло. «Огонь пропускался из горнила вверх, оттуда оборотами вниз, потом колодцем оборачивался снова кверху», рассказывает биограф Бестужева. «Весь секрет заключался в том, что труба приходилась над последним колодцем». Изготовляя для себя охотничьи принадлежности (в последние годы вместе со своими друзьями — охотниками-бурятами он часто ходил на охоту), Николай Александрович попутно изобрел новый ружейный замок и послал его схему в

Петербург, в штаб, предлагая использовать в армии... Но не было ответа из Петербурга.

Не было ответа и от Струве, части хронометра валялись разобранными, и Николай Александрович начал поглядывать на них с тою же ненавистью, с какой Торсон глядел на никому не нужную молотилку... Они обречены на бесплодие, их замыслам не дано воплотиться,— вот почему и перо, и часы, и рубанок, и кисть, и ружье часто стали падать из рук.

Но вот однажды во флигель к Бестужевым, где Николай Александрович устроил свою мастерскую, постучался незнакомый человек и приходом своим хоть ненадолго, хоть на день, разогнал мрачные мысли, точившие хозяина.

— Ты не помнишь меня? — спросил по-русски молодой, высокий бурят, напряженно, но точно, выговаривая русские слова.— Я Усумбат Сарампилов.

Николай Александрович, стоявший у мольберта, отложил палитру и кисть — он писал акварелью высокую гору, одетую лесом, и быструю реку, несущую льды, — и выпрямился, прищурясь, вспоминая, вглядываясь. Усумбат тоже вгляделся и увидел, как постарел, осунулся этот человек, который там, в каземате, казался ему таким спокойным и сильным — нет, всемогущим... Какие темные глубокие тени легли у него под глазами.

И вдруг взгляд Николая Александровича стал приветливым, тени согнала улыбка. Он вспомнил.

Усумбат Сарампилов, бурятский юноша, который приходил когда-то в каземат, опасливо оглядываясь вокруг, который пугался простого токарного станка и ни слова не говорил по-русски!

Николай Александрович повел гостя в дом и позвал брата. Торжественно и наивно улыбаясь, Усумбат скинул с плеча кожаный опрятный мешок и, освобождая место на столе, сдвинул на край разбросанные по столу книги. Братья, не понимая, глядели друг на друга. А Усумбат вынул из мешка зрительную трубу, два бинокля и музыкальный ящик, сразу заигравший на столе бурятскую пастушескую песню.

— Помнишь, ты учил меня? — спросил Усумбат.— Это я сделал сам. — Он протянул Николаю Александровичу бинокль. — Смотри!

И, продолжая улыбаться той же торжественной и на-

ивной улыбкой, он, как после долгой дороги, опустился на стул.

Бурятский мальчик превзошел все ожидания учителя. Когда-то, в каземате, Николай Александрович объяснил ему, как работать на токарном станке, выучил немного по-русски, дал книг, потом объяснил теорию увеличительных стекол, сделал схемы орудий часового и слесарного мастерства, снабдил сталью и осколками толстых стекол от зеркал и стаканов. Все пошло в ход, все нашло применение в руках способного юноши...

Бестужев приложил бинокль к глазам. Бинокль показывал, как на ладони, теснимые песчаными заносами улицы старого города, домики знакомых чиновников. Отличный бинокль.

Братья проэкзаменовали молодого бурята, подарили ему книги, обещали побывать у него в юрте.

Встреча с Сарампиловым напомнила Николаю Александровичу день, когда он — когда все они впервые повстречались с бурятами. Это было в 1830 году, при переходе из Читы на Петровский завод. Бестужев любил перебирать в памяти эпизоды этого путешествия. Как давно это было, как все, в сущности, были тогда еще молоды! Как счастливы тем, что хоть и под конвоем, которому приказано показывать «свирепый вид», а все-таки шагают по вольной степи и видят горы, звезды, небо не через решетки, не через частокол. Сколько шуток, смеха, веселья, хотя они направляются из тюрьмы в тюрьму. Как смеялись над Кюхельбекером, который принял Марс за Венеру... Шли они и отдыхали, окруженные бурятами. Местное начальство, щеголяя усердием, за месяц, боясь опоздать, согнало бурят на эту дорогу, чтобы застилать болота и выставлять путникам войлочные юрты. Буряты, оторванные от своих кочевий, умирали с голоду... Исправники, заседатели, тайши, не желая допустить сближения изгнанников с бурятами, предупредительно внушили кочевникам, будто эти узники, шагающие среди солдат по степи, — злые духи, жадные драконы, способные похитить каждого и улететь в небеса... Как удивлялись буряты, увидя в этих страшных драконах добрых товарищей, которые доотвала кормили их, слушали их сказки и песни, ласкали их ребятишек, играли с ними в шахматы... Оказалось, буряты отличные шахматисты, им случалось выигрывать даже у таких умников, как

Басаргин... Честный, сметливый, добрый народ, с ними декабристы подружились в пути. «Государственные преступники» пытались даже объяснить своим новым друзьям, что произошло 14 декабря в Петербурге. Одни испуганно отходили, другие широко улыбались в ответ... Как тогда кружилась голова от вестей об июльской революции, нагнавших их недалеко от Петровского. Быть может, и в России свобода близка? Узники хором пели марсельезу. Все казалось возможным. Как кружилась голова от стихов Одоевского, сочиненных в дороге:

В юртах засыпая, узники
Видят во сне Русь.
За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава.
Весело ляжем живые
За святую Русь.

Славим нашу Русь, в неволе поем
Вольность святую.
Весело ляжем живые
В могилу за святую Русь.

И в самом деле: легли живыми в могилу. Желтое четвероугольное здание в сырой котловине — чем не могила?

Нет, конечно, он и теперь не сдавался. Он работает и будет работать, как работал всегда. Славный народ буряты: благородный, благодарный, талантливый; какая трогательная улыбка была на лице у этого Усумбата, когда он вынул из мешка свой бинокль... Шутка ли! Первые увеличительные стекла, выточенные рукою бурята... Но черные мысли не покидали Бестужева. С грустной отрадой, таясь от сестер и от брата Михаила, перечитывал Николай Александрович старую запись в старой тюремной записной книжке.

«И я разнообразжу жизнь свою... Обвиваю колечки, стучу молотком, мажу кистью, бросаю землю лопатою; часто пот льет с меня градом, часто я утомляюсь до того, что не в силах пошевелить перстом, а со всем тем каждый удар маятника, каждый миг времени падает на меня, как капля холодной воды на голову безумного, ложатся как щелчки к наболевшему месту... Я хочу жизни, а лежу в могиле — я обманут в своих расчетах.

Я сделал все, чтобы меня расстреляли, я не рассчитывал на выигрыш жизни — и не знаю, что с ним де-

лать. Если жить, то действовать, а недеятельность хуже католического чистилища — и потому я пилю, строгаю, копаю, малюю, а время все-таки холодными каплями падает мне на горячую безумную голову — и тут же присоединяются щелчки по бедному больному сердцу».

Сейчас он на воле, но разве эта скудная воля не та же тюрьма? Разве он не обречен на бездействие? И он так же строгает, стучит молотком, мажет кистью, учится, изобретает, учит, но холодные капли времени падают на бедную голову и на бедное больное сердце.

В 1853 году началась война с турками, англичанами и французами. В 1854-м вражеский флот блокировал Севастополь. Чувство гордости, удивления, зависти охватывало Николая Бестужева, когда до Селенгинска доходили вести о новых и новых подвигах русских моряков. Чувство гнева, когда доползали страшные слухи о воровстве интендантов, о том, что приближенные царя наживаются на войне, моря матросов голодом, снабжая их гнилыми сапогами, оставляя под пулями без оружия... И он, ученый моряк, был здесь, в засыпаемом песком Селенгинске, ничем не властный помочь морякам! Он так и не успел сделать для них новый, более точный, хронометр. Торсон, чья могила уже белеет в долине, у подножия горы, — Торсон не успел заново оснастить корабли... Постоянная тревога, томившая Николая Бестужева последние годы, нашла, наконец, свое имя: Севастополь.

«А каковы наши моряки и артиллеристы!» — писал он одному из своих старых друзей. — «Меня оживили добрые известия о славных делах наших моряков, — писал он другому, — но горизонт омрачается. Не знаю, удастся ли нам справиться с французами и англичанами вместе, но крепко бы хотелось, чтобы наши поколотили этих вероломных островитян за их подлую политику во всех частях света».

Осенью 1854 года он испросил разрешение поехать в Иркутск. Ему хотелось побыть в большом городе, среди людей, туда скорее добирались вести. Но вести приходили грозные: наследие аракчеевщины изнутри губило нашу армию, наш флот; бездарность, а то и прямое предательство царских министров сводило на-нет все усилия доблестных защитников Севастополя. Угрюмым возвращался Николай Бестужев домой. В дороге он уступил свою повозку семейству бедного чиновника,

а сам сел на козлы рядом с кучером. Жестокий ветер прохватил его, когда они переправлялись через Байкал. Домой, в уютной домик с колоннами, он вернулся больным. Сестры молили его разрешить позвать врача; он не позволил. Он лег в постель и замолчал. Окружающие думали, что у него воспаление легких или, как говорили тогда, горячка, но сам он был уверен, что болезнь его зовется иначе: Севастополь. Лежа с закрытыми глазами, Николай Бестужев снова видел карре на Исаакиевской площади, он заново, с небывалым отчаянием и гневом, переживал поражение 14 декабря. Вот оно, когда наступила расплата! Их каторга, их страдания — все это вздор. Сейчас не они, сейчас Россия расплачивается за их тогдашнюю слабость. Если бы они тогда овладели дворцом, прогнали царя, казнили Аракчеева, освободили крестьян, ввели новые порядки в стране, в армии, во флоте,— из Севастополя приходили бы сейчас другие, счастливые, вести... Не открывая глаз, сжимая зубы, чтобы не стонать, он свежо, как впервые, снова пережил боль и стыд поражения и того позорища, которому их подвергли после комедии суда. Их — русских моряков, их — героев Отечественной войны, открывателей новых стран, кораблестроителей, механиков, путешественников, их — надежду и цвет российского флота, привезли на арестантском судне в Кронштадт и под конвоем выстроили на палубе флагманского корабля «Князь Владимир». Перед лицом матросов и офицеров, толпившихся на палубах «Владимира» и ближних судов, над ними сломали шпаги, с них сорвали мундиры... Читая приговор, адмирал Кроун еле владел голосом, а матросы конвоя утирали кулаками слезы... Они плакали от горя, от бессилия защитить тех, кого любили... И вот теперь — страшная расплата за тогдашнюю немощь: Севастополь.

Николай Александрович застонал и открыл глаза. Михаил наклонился над ним со стаканом, думая, что больной просит пить. Но Николай отстранил стакан.

— Скажи, нет ли чего утешительного? — шопотом спросил он.

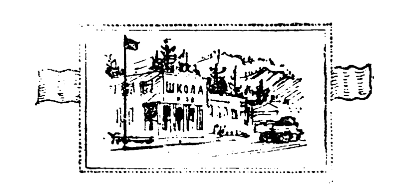
И Михаил понял: Севастополь.

Николай Александрович Бестужев скончался в Селенгинске 15 мая 1855 года. Через несколько дней после

его смерти от астронома Струве, из Петербурга, на его имя пришел ящик: там была прокатанная латунь. Могила Николая Бестужева—рядом с могилою Торсона. Память о маленькой декабристской колонии на левом берегу Селенги долго жила среди селенгинских бурят. Старая бурятка, Жигмыт Анаева, рассказывала в двадцатых годах нашего века, как бурятские ребятишки караулили когда-то прогулки Бестужевых: знали, что те и поговорят с ними, и расспросят, и книжку дадут, и конфетами оделят. «Бедных с ног до головы одевали, — рассказывала Жигмыт. — Больных лечили, всех ровно — и бурят и русских». Сосед Жигмыт Анаевой, Батушка Отхонов, мальчиком учился у Николая Бестужева. Да и он ли один! Когда в 1940 году в Музее восточных культур в Москве была организована выставка Бурят-монгольского искусства, мастера советской Бурят-Монголии, съехавшиеся в Москву, поминали добрым словом учителя их дедов — Николая Бестужева.

...В школах советской Бурят-Монголии обучаются теперь десятки тысяч детей, в республике 10 техникумов, 3 вуза, более трехсот библиотек, 4 театра. В республике выросли сотни специалистов по всем отраслям культуры, промышленного и колхозного строительства: инженеры, врачи, агрономы, зоотехники, овцеводы, доярки, шахтеры... И кто знает, — тот юноша, что сейчас берет на себя новые обязательства по сверхплановой добыче угля в гусиноозерских шахтах, — не внук ли он Усумбата Сарампилова, ученика декабриста?

«Красное солнце» звали буряты своего учителя и друга.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор *С. В. Узин*
Техн. редактор *Д. А. Глейх*
Худож. редактор *В. В. Щукина*
Рисунки худож. *Н. И. Крылова*

Т-08640. Сдано в производство 6/IX—1950 г.
Подписано к печати 4/XI—1950 г.
Формат 84 $\times$ 108$^1/_{32}$. **Тираж 50 000**.
Бумажн. лист. $^3/_4$. Печатных листов 2,46.
Учетно-издательских листов 2,3.
Заказ 1716. Цена 80 к.

13-я типография Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР.
Москва, Гарднеровский пер., 1а.

80 коп.